

Митр. Сурожский Антоний: Вопросы брака и семьи

Митр. Сурожский Антоний: Вопросы брака и семьи

Вопросы брака и семьи (1*)

Относительно энциклики, мне кажется, уместно поставить ряд вопросов. Прежде всего, отправная точка ее, а именно утверждение, будто целью брака является деторождение, не только спорна, но для православного богословия просто неприемлема. Цель брака есть брак. Рождение детей — его составная часть, но в брак не вступают для того, чтобы иметь детей, в брак вступают для того, чтобы осуществить жизнь взаимной любви, то есть преодоление индивидуальной изолированности, расширение личности, которое один немецкий автор называет «жизнью единой личности в двух лицах».

Здесь перед нами первый, чрезвычайно важный момент, ибо если действительно брак определяется деторождением, то, мне кажется, рушится вся энциклика: ведь проблема исключения зачатия вовсе не вопрос применяемых методов. Если цель брака — рождение детей, то всякое действие, направленное против этого, является посягательством на брак в главной его цели. Следовательно, любые противозачаточные методы, искусственные или естественные, и даже супружеское воздержание, имеющее целью исключить деторождение, есть грех, посягательство на главную цель брака; этот момент в энциклике лишен логики и не выдерживает критики.

Думаю, что одна из проблем, которые здесь встают, это проблема оценки телесных отношений между двумя человеческими существами в браке. На основании энциклики в целом и всего ее контекста создается впечатление, что телесная жизнь в браке рассматривается здесь просто как плотские сношения в том отрицательном смысле, который придает этому выражению аскеза. Здесь как бы раздвоение сознания: с одной стороны, брак по самому определению направлен на деторождение, а с другой стороны, физические отношения отмечены печатью некой уродливости, с ними связывается представление дефективности. Очень ясно чувствуется, что идеал здесь — жизнь монашеская, жизнь воздержания. Совершенно иное в православном богословии. У нас существует богословие материи, богословие тела, основанное на том положении, что Бог создал человека как существо не только духовное или душевное, но также и материальное, связанное с совокупностью всего видимого и осязаемого творения, — богословие, основанное прежде всего на Воплощении. Воплощение это не просто Божественный акт, в котором Бог становится человеком, это такое Божественное действие, в котором Бог принимает на Себя видимое и осязаемое вещество созданного Им мира. Он соединяется не только с человечеством, Он соединяется с космической реальностью материи, и наше отношение к материи очень отлично от так часто встречающегося монофизитского (2) отношения к ней.

Третий момент — это развитие только что сказанного, а именно наше отношение к половому воздержанию в браке. Слово «целомудрие», несколько раз встречающееся в службе брака, часто понимается как относящееся к плоти, к аскезе. Но в действительности целомудрие во всем объеме этого понятия есть нечто гораздо более широкое — оно охватывает одновременно человеческий дух, тело и душу. И это особенно бросается в глаза в службе брака, где мы просим Господа даровать вступающим в брак целомудрие и радость видеть *чада чад своих*. Целомудрие не есть что-то несовместимое с деторождением. Целомудрие — это внутреннее состояние, определяющееся не физическими категориями, а отношением: духовным отношением, отношением души и отношением тела.

У апостола Павла, которого часто обвиняют в непонимании взаимоотношений между мужчиной и женщиной, есть ряд выражений, на которых уместно остановиться. Одно из них вошло в англиканскую службу бракосочетания. Там говорится, что брак это врачество от блуда (1 Кор 7:9), и то, как толкуется эта фраза и эта мысль, кажется мне глубоко ошибочным. Толкование, чрезвычайно распространенное в умах и на устах людей, заключается в том, что, если человек состоит в браке, у него нет больше оснований искать нечистоты где-то на стороне — ходить за чужой плотью, как говорится в Священном Писании (Иуд 1:7). В действительности же в богословии неразделенной Церкви ясно видно, что дело вовсе не в этом. Один из древних авторов говорит, что пока юноша не полюбил, он окружен мужчинами и женщинами; как только сердце открылось для любви к кому-то, к чьей-то личности, то рядом с ним — его возлюбленная, а вокруг него — *люди*. Иными словами, единственное основание для подлинного целомудрия, то есть внутреннего и внешнего состояния, когда человек не стремится ни к чему вне тех отношений, какими является эта единственная любовь, — есть любовь, единственность любви, тот факт, что истинно любить можно только одного человека, а все другие люди входят — каждый в отдельности и все вместе — в нейтральную категорию: это люди, это больше не мужчины и женщины, не существа, обладающие полом.

Но любимый человек тоже не есть то, что на современном языке называют «объект влечения»; это лицо другого пола, но и здесь понятие пола далеко выходит за рамки пола физического: оно определяется в категориях мужественности и женственности, оно охватывает и характеризует человека в каждой детали его существа, а не просто с точки зрения продолжения рода. Кроме того, апостол Павел ясно указывает, что в этом единственном, незаменимом отношении брака открытие одного человека другим всегда имеет глубину духовного порядка — иначе нет данных для брака. И в этих отношениях тело одного полностью принадлежит другому не в том смысле, что он может распоряжаться им насильственно, без благоговения, без уважения, а в том смысле, что поскольку два тела составляют уже одно, то и жизнь едина как жизнь четы, и нет жизни, которая принадлежала бы одному или другому отдельно.

Но, с другой стороны, апостол Павел утверждает также, что оба супруга могут удаляться друг от друга: не отказывать другому в близости, а позволить другому отойти ради их духовной жизни. Бывает время молитвы, бывает время духовного углубления, время, когда человеческое существо соединяется с Богом особым образом, когда благодать и опытное познание овладевают не только духом его, не только его психологическим и умственным «я», но даже и телом. Есть моменты, когда всякие физические отношения, даже, как это видно из житий святых, самое простое прикосновение становится невозможным, ибо благодать, как пламя, овладела этим существом, и нет больше места ни для чего до тех пор, пока эта дарованная и принятая благодать не станет единой с человеком так глубинно, что делается общим достоянием. Но мне кажется ясным, что воздержание тут является не актом отвержения, когда один из супругов отворачивается от другого, отказывает другому в близости, но ситуацией, в которой их взаимоотношения рассматриваются в другом плане.

В книге Бытия, в первой главе, сотворение человека поставлено в один ряд с сотворением всех живых существ, и именно внутри этого ряда живых существ человек получает данное всему живому благословение расти и множиться (Быт 1:28). И в другой главе, в совершенно ином контексте, установлен брак. Во второй главе мы видим, что человек, поставленный перед лицом всех земных существ, Человек с большой буквы, взятый от земли, обнаруживает, что он — одинок, что нет у него спутника, и Бог избавляет его от этого одиночества сотворением Евы (Быт 2:18—23). Этот акт не имеет никакого отношения к деторождению, он стоит в иной перспективе, в контексте иного повествования, здесь перед нами совершенно новая ситуация. И брак связан именно с этой ситуацией — ситуацией человека, достигшего такой зрелости,

когда он не может более существовать в одиночестве, и тогда ему предлагается преодоление этой ситуации, имеющее, однако, с самого начала двойственный характер. Двойственность эта связана с тем, что и здесь полностью соблюдается уважение к человеческой свободе, так что и преодоление это может быть подлинным или ложным. Не вдаваясь в подробности, приведу просто текст Библии: когда Адам оказывается лицом к лицу с Евой, он узнает ее и говорит, что она — плоть от плоти его и кость от кости его (Быт 2:23). Но что означает это его признание? Перед ним, как и перед Евой, два пути: либо узнать себя в ней, а ей — узнать себя в нем, видеть лишь себя самого, отраженного вовне, видеть в другом лишь продолжение себя самого и совершенно потерять из виду существование другого. И напротив, можно в этом видеть трансцендирование самого себя, освобождение от себя. Именно об этом говорит Мефодий Патарский в своей книге: он использует как бы игру слов и, рассуждая о падении, говорит, что, пока Адам и Ева любили друг друга, они могли говорить, глядя друг на друга: это alter ego, «другой я сам»; в момент падения они видят ДРУГ друга нагими, потому что каждый смотрит на другого и говорит: я — это я, а он — это он. Тут как бы трещина, разлом. Здесь-то и появляется элемент влечения, вожделения, здесь смешиваются две перспективы: перспектива природы (о которой говорится в первой главе) и перспектива человечества, трансцендирования личности в жизни сверхличной.

Возвращаясь к энциклике — мы наблюдаем тут то основоположное смешение, которое почти всегда, мне кажется, имеет место в католической литературе: смешение плоти и тела. Чтобы пояснить различие между ними, напомним прекрасное выражение отца Сергия Булгакова: «Борьба с плотью это борьба за тело» — тут подчеркивается различие между телом и плотью, телесностью и плотским состоянием. А результатом недоверчивого отношения к плоти, которую смешивают с телом, является, мне кажется, своего рода игра в прятки в отношении проблемы деторождения. В энциклике и во всем этом строе мышления, по-видимому, ставится вопрос о том, как сочетать и запрет, и возможность избежать деторождения, когда оно оказывается событием, которое может вылиться в трагедию. И тут энциклика повторяет Талмуд, где уже объяснено что Бог, по Своему милосердию, ведая нашу слабость и склонность ко злу, попустил существование периодов бесплодия чтобы можно было и утолить вожделение, и избежать опасности зачатия.⁽³⁾ Но и с православной, и просто с человеческой точки зрения это представляется мне безнравственным, радикально безнравственным.

***Примечания:**

1. Сокращенный перевод с французского отклика на энциклику папы Павла VI «*Humanae vitae*», посвященную вопросу регулирования рождаемости (1969). Энциклика, обнародованная в 1968 году, была ответом на давно назревшую в Католической Церкви необходимость внести ясность в вопрос «контроля рождаемости»- применение противозачаточных средств. Она подтвердила существовавшее ранее категорическое запрещение католикам применять эти средства, сопровождающееся рекомендацией пользоваться естественными возможностями с этой целью. Энциклика вызвала бурную реакцию. В откликах церковной общественности был затронут самый широкий круг вопросов, в т.ч. такие важные для Католической Церкви темы, как папский авторитет и целибат духовенства. Публ.: «Человек перед Богом». Дополнено ответами на вопросы о семье и браке на разных встречах и так опубликовано в: **Антоний, митрополит Сурожский. Труды. М., «Практика», 2002г. С.498-510.**

2. Монофизитство (от греч. *monos*, — «один» и *fusic* — «природа») — христологическая ересь, согласно которой человеческая природа во Христе полностью поглощена божественной. Была осуждена на Халкидонском соборе в 451 г. Из монофизитского учения о природах Христа следует уничижительное отношение к материи и вражда к материальному миру.

3. Вавилонский Талмуд. Кетубот. 616—626. Формулировка не совсем точная. С точки зрения

раввинистического иудаизма, сексуальные отношения между супругами сами по себе не могут быть греховны, но как грех может рассматриваться стремление избежать зачатия, поэтому Божье милосердие проявляется в периодах бесплодия.